

DOI: 10.31857/S032103910004512-6

ВАЛЕРИЙ МАКСИМ: РИМЛЯНИН НА ГРАНИ ЭПОХ

А. М. Смorchков

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия*

E-mail: smorchkovtuber@yandex.ru

Статья посвящена анализу взглядов Валерия Максима, автора сборника нравоучительных рассказов «Девять книг достопамятных деяний и высказываний» (первая половина I в. н.э.), составленного на грани двух эпох, Республики и Империи. Главная идея этого произведения – превознесение традиционных римских ценностей. Примерно 3/5 историй в сочинении Валерия Максима относится к догракханскому периоду, т.е. ко времени до событий, с которых начинают кризис Римской республики. Писатель не злоупотребляет назиданиями, скорее, в его сочинении просматривается вневременное восхищение доблестью и осуждение порока, а противопоставление современности носит неявный характер. При этом он восхваляет современную ему жизнь, связывая ее блага с правящим императором. Не имея доступа к власти и ее привилегиям, он вполне мог быть искренен в своих восторгах по отношению к императору. Не только в силу традиции, но и по своему мировоззрению Валерий Максим связан с обеими эпохами, являя порой противоречивую, но очевидную связь их взглядов и ценностей. В его сочинении представлен набор знаний и представлений, которые отражали мировоззрение обычного образованного римлянина.

Ключевые слова: древний Рим, Республика, принципат, Валерий Максим, риторика, мировоззрение

VALERIUS MAXIMUS: THE ROMAN AT THE TURN OF THE AGE

Andrey M. Smorchkov

Данные об авторе. Андрей Михайлович Смorchков – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира РГГУ и кафедры истории древнего мира НИУ ВШЭ, профессор кафедры всеобщей истории РАНХиГС.

Статья подготовлена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках гранта «Интеграция традиций и культур в центре и на периферии античной цивилизации: общество, власть, религия» (№ 33.1353.2017/ПЧ).

The article is devoted to the analysis of the views of Valerius Maximus (first half of the first century AD), the author of a collection of moralizing stories, *Factorum et dictorum memorabilium libri novem*. Valerius Maximus' work belongs to the time of transition from the Republic to the Empire. The main idea of his work is to praise Roman traditional values related to the Republic. Approximately three out of every five stories in his work refer to the epoch before the Gracchi, when the crisis of the Republic started. He does not indulge in edification, rather, in his work there can be seen a timeless admiration for Valour and condemnation of Vice, the contrast with contemporaneity being implicit. At the same time, he praises the modern life attributing its benefits to the ruling Emperor. Having no access to power and its privileges he might have been quite sincere in his admiration for the Emperor. It was not only due to the tradition but also to his worldview that he is associated with both ages, making at the same time apparent a connection between their views and values despite their discrepancy. Valerius Maximus' work presents a set of knowledge and ideas that reflected the worldview of an ordinary educated Roman.

Keywords: ancient Rome, Republic, Principate, Valerius Maximus, oratory, worldview

Валерия Максима прославило единственное известное его сочинение «Девять книг достопамятных деяний и высказываний» (*Factorum et dictorum memorabilium libri novem*). По косвенным данным можно предположить, что свой труд он начал не позже 27 г., а закончил в конце или вскоре после 31 г.¹ Как и о многих других античных авторах, о Валерии Максиме известно практически только то, что он сам сообщил о себе в своем сочинении. И хотя в нем часто встречаются риторические обращения от первого лица (в единственном или во множественном числе), сведения о себе он оставил крайне скудные. Неизвестны ни годы жизни, ни происхождение, ни что-либо еще, проливающее свет на его личность. Мы можем лишь достаточно уверенно сказать, что жил он в первой половине I в.н.э., родившись, по всей видимости, незадолго до начала новой эры.

Имя его выглядит как аристократическое: Валерии — известный с царских времен патрицианский род, ветвь которого с прозвищем *Maximi* существовала до конца III в. до н.э., после чего такое сочетание появляется лишь в императорскую эпоху. Однако к этому роду наш Валерий отношения явно не имел², иначе трудно объяснить его полное молчание по данному поводу в рассказах, где фигурируют те или иные Валерии. Наиболее показательна борьба вокруг закона Оппия в 195 г. до н.э. (Val. Max. IX. 1. 3, ср. II. 1. 5), в которой важную роль сыграл плебейский трибун Луций Валерий, сторонник отмены закона.

¹ Helm 1955, 90–93. Мнение о появлении труда Валерия Максима около 30 г. преобладает: Mueller 2002a, 3, п. 18. Но есть гипотеза, что это сочинение относится к началу правления Тиберия: Bellemore 1989, 67–80; Millar 1993, 4; Themann-Steinke 2008, 17–28. Скептический вывод о возможности решения вопроса см. Wardle 1998b, 1–6.

² Иное мнение (не встретившее поддержки), согласно которому Валерий Максим являлся обедневшим аристократом-патрицем, см.: Skidmore 1996, 113–117.

Именно в его уста Тит Ливий, один из любимых авторов Валерия Максима, вложил длинную речь в защиту женских прав (Liv. XXXIV. 5–7, ср. Zon. IX. 17). А еще один Валерий, патриций Луций Валерий Флакк, правда с неизвестной позицией в отношении упомянутого закона, был в том году консулом. Однако наш автор никоим образом не указал на эти столь лестные для его же имени факты.

В риторически построенном заключении к главе, воспевающей бедность прошедших эпох, он пишет от лица современников со скромным достатком, похоже, числя себя среди них: «Мы, которые никак не позволим себе отказаться от жалоб на наши крохотные состояния...» (Val. Max. IV. 4. 11). Риторический пафос, понятно, дает основания для сомнений, но о невысоком статусе Валерия Максима, на мой взгляд, свидетельствуют его славословия в честь своего благодетеля Секста Помпея (Val. Max. II. 6. 8; IV. 7. ext. 2b). По всей видимости, это консул 14 г., известный также как покровитель Овидия, который посвятил ему четыре стихотворения (Ov. *Pont.* IV. 1; 4; 5; 15). Валерий Максим сопровождал Помпея в поездке в провинцию Азию (Val. Max. II. 6. 8), где тот был наместником. Это имело место, возможно, в 27 г., хотя есть и другие мнения³. Таким образом, риторически окрашенная информация в данном случае имеет некоторое подтверждение в информации нейтрального характера.

Гораздо сложнее верифицировать другой риторический пассаж, на первый взгляд, содержащий личные сведения: «Следующей ступенью после уважения к родителям служит благожелательность между братьями... Ведь сколь много удовольствия в таких воспоминаниях: я обитал в том же самом жилище до того, как родился, в той же колыбели провел времена младенчества, тех же назвал родителями, те же молитвы неусыпно заботились обо мне, равную славу извлек от изображений предков! Дорога жена, милы дети, любезны друзья, приятны родственники по браку...» (Val. Max. V. 5 pr.). Можно ли вслед за А. Теманн-Штайнке сделать из этого вывод, что у нашего автора были брат, жена и дети?⁴ Или, опираясь на упоминание масок предков, утверждать, что в его роду были курульные магистраты, и даже относить его к патрицианскому роду (см. прим. 2)? За неимением иных подтверждений вполне можно воспринимать слова Валерия как не зависящие от его личного опыта. Ибо семейные ценности и во времена предков почитались, и императором Августом всячески поддерживались – вот два самых авторитетных для нашего автора обстоятельства. Одно другому не противоречило: поддерживать брачное законодательство Августа и не следовать ему подобно консулам-суффектам 9 г.н.э. М. Папию и Кв. Поппею, которые внесли закон о браке, продолжавший политику императора, а сами являлись холостяками и, следовательно, подпадали под его действие (Dio Cass. LVI. 10. 3).

Собственно, это практически все более или менее достоверные сведения о Валерии Максиме, но и они в той или иной степени подвергались сомнению в научной литературе. Что касается биографии Валерия Максима в венецианском издании 1494 г.⁵, то она единодушно признается целиком и полностью выдуманной и не имеющей научной ценности.

³ Подробный анализ см. Kempf 1854, 4–6; Themann-Steinke 2008, 21–22 (с библиографией).

⁴ Themann-Steinke 2008, 16.

⁵ Текст см. Kempf 1854, 1–2.

К Валерию Максиму и его сочинению в историографии прослеживается явно негативное отношение (по разным причинам)⁶. И все же он не был обделен исследовательским вниманием, которое заметно выросло в конце XX — начале XXI в.⁷ Более того, в новейшей историографии отчетливо наблюдается стремление реабилитировать Валерия Максима как автора, подчеркнуть литературные достоинства его сочинения и ценность того как исторического источника⁸. Рассматриваются различные аспекты творчества Валерия Максима: прежде всего, как и в прошлом, источниковедческие и стилистические проблемы⁹, а также вопросы общественных и нравственных ценностей¹⁰, религии¹¹, семейных отношений (в социальном контексте)¹², и даже сексуальной морали¹³.

«Девять книг достопамятных деяний и высказываний» представляют собой сборник примеров и рассказов для нужд риторического образования и ораторской практики, сгруппированных по тематическому принципу, отдельно римские и иноземные. Именно такую цель автор обозначил в первой же фразе своего труда: «Выбранные у известных авторов достойные упоминания деяния города Рима и чужеземных народов, равно как и высказывания, — то, что у других разбросано слишком широко, чтобы иметь возможность быстро познакомиться с ними, — я решил упорядочить, дабы избавить от тягот длительного поиска желающих использовать примеры»¹⁴. Так что оригинальным его произведение не назовешь: это своего рода хрестоматия историй, заимствованных Валерием Максимом из сочинений разных авторов и обработанных им в соответствии со своим риторическим образованием¹⁵. Рассказы, как правило, вырваны из исторического контекста¹⁶, а потому зачастую нуждаются в пояснении для современ-

⁶ Mueller 2002a, 5.

⁷ Mueller 2002a, 5–6. Библиографию см. Mueller 2002a, 231–250; von Albrecht 2004, 1179–1180; Themann-Steinke 2008, 608–622. Х.-Ф. Мюллер говорит даже о Валериевом ренессансе, начавшемся в 1992 г. с работы Мартина Блумера (см. следующее примечание): Mueller 2002b.

⁸ См., в частности, Bloomer 1992, VII (эту задачу исследователь обозначил в первой же строке своей монографии); Skidmore 1996, XVI–XVII. Любопытную таблицу, отражающую отношение разных исследователей к Валерию Максиму, см. Themann-Steinke 2008, 45–47. Похожую реабилитацию испытал и современник Валерия Максима историк Веллей Патеркул (Maslakov 1984, 438–439).

⁹ Обширную тематическую библиографию см. Wardle 1998b, 15, n. 68; Mueller 2002a, 5, n. 25. Краткий, но содержательный историографический очерк см. Maslakov 1984, 457–461.

¹⁰ Bloomer 1992; Skidmore 1996; David 1998a; Weileder 1998; Mueller 2002a, 148–174; Gowing 2005, 49–66; Nguyen 2008, 52–77.

¹¹ Santini 1987, 183–195; Hodgson 1989, 683–693; Mueller 2002a; Rüpke 2016, 98–107.

¹² Lucarelli 2007.

¹³ Langlands 2000; 2006, 123–191.

¹⁴ Исследователи видят здесь влияние введения (более краткого) к «Заговору Катилины» Саллюстия (Sall. *Cat.* IV. 2): Weileder 1998, 38, Anm. 203. В свою очередь очень похоже на начало труда Валерия Максима более обширное введение Фронтина (ок. 30–103 гг.) к его «Стратегемам», где намечены те же цели и указаны те же трудности.

¹⁵ Впрочем, такая оценка встречает все большую критику в современной науке, ибо, как отмечалось, набирает силу тенденция подчеркивать литературные и эвристические достоинства труда Валерия Максима, отвергавшиеся предыдущей историографией: Lucarelli 2007, 20–23 (библиография: Anm. 29); Rüpke 2016, 93–97, n. 54.

¹⁶ Gowing 2005, 54: in some sense “timeless”.

ного читателя. Насколько такие пояснения нужны были тогдашнему читателю, судить сложно, но многообразие историй наводит на мысль, что, скорее, самой потребности такой не было, а не то чтобы контекст был хорошо известен. Видимо, рассказы Валерия воспринимались в основном как вневременные свидетельства, не нуждающиеся в подробном изложении всех сопутствующих обстоятельств, что было уделом историков, а не риторов¹⁷.

Примеры (*exempla*) были важным элементом ораторского искусства и литературного творчества в целом¹⁸. Неизвестный автор самого раннего сохранившегося риторического трактата на латинском языке «Риторика к Гереннию» (80-е годы I в. до н.э.) писал по этому поводу: «Пример есть рассказ о каком-либо деянии или высказывании из прошлого с указанием конкретного их автора... Пример делает изложение изящнее, если приводится исключительно ради великолепия; понятнее, когда слишком темное излагает более ясно; достовернее, поскольку делает более правдоподобным; придает очевидность, ибо выражает все наглядно, отчего, так сказать, чуть ли не рукой можно это потрогать»¹⁹. Родившийся примерно тогда, когда умер Валерий Максим, автор известного учебника по ораторскому искусству Квинтилиан также указывает на важность для оратора знать и помнить переданные издревле славные высказывания и деяния (*dicta ac facta*: Quint. XII. 2. 29, ср. 4. 1–2), подчеркивая, что именно римская история богата такими примерами (*exemplis*: XII. 2. 30). Кратко и точно выразился младший современник Валерия Максима Сенека Младший, чьи слова, сказанные, правда, по поводу личного примера, вполне применимы и к литературному варианту: «Ибо долг путь через наставления, краток и убедителен через примеры»²⁰. Примеры, как справедливо заметил М.Б. Роллер, являлись наиболее привычной и распространенной формой аргументации в области морали²¹. А ввиду почитания в Риме доблестей (вплоть до религиозного) сборники нравоучительных рассказов можно даже назвать собственно «римским» жанром литературного творчества, несмотря на то, что у него были греческие предшественники и Валерий Максим опирался на уже имевшуюся традицию²². Несомненный герой сочинения Валерия Максима, пожалуй,

¹⁷ См. показательный анализ рассказа о Кв. Метелле Македонском (Val. Max. VII. 1. 1): Maslakov 1984, 441–444, где отмечается заметная степень абстрагирования данного примера от реальных событий, которые были сведены к минимальному упоминанию, в результате чего карьера Метеллы оказалась в историческом вакууме (р. 443), и делается общий вывод об отмеченной специфике риторических примеров по сравнению с примерами, приводимыми в судебных и надгробных речах (р. 445). Ср. подобный анализ еще двух примеров: Gowing 2005, 59–61.

¹⁸ Эта тема привлекла значительное внимание исследователей. Не углубляясь в вопрос, ограничусь одним из последних аналитических очерков (хотя и неполным): Lucarelli 2007, 24–35.

¹⁹ *Rhet. ad Heren.* IV. 62; ср. Cic. *Inv.* I. 49; *Orat.* 120.

²⁰ Sen. *Ep.* VI. 5: *quia longum iter est per praecepta, breve et efficax per exempla*. Ср. Plin. *Ep.* VIII. 14. 6: (*exempla*) *fidissimum percipiendi genus*.

²¹ Roller 2001, 88.

²² Fleck 1974, 15–21 (историография), 119–122 (выводы); Maslakov 1984, 440, n. 6 (о роли Цицерона); Bloomer 1992, 18–19; David 1998b, 10–16; Weiler 1998, 38, Anm. 208. См. также детальный анализ роли *exempla* в политическом дискурсе конца Республики: Bücher 2006 (итоговые выводы: 318–331).

даже самый главный его герой, император Август являл собой близкий и авторитетнейший образец интереса к примерам: он имел обыкновение при чтении выписывать их и рассылать как своим близким, так и должностным лицам для наставления (Suet. *Aug.* 89. 2).

Таким образом, помощь ораторам и моральное воспитание шли у Валерия Максима рука об руку, составляя две ключевые цели его сочинения²³. Независимо от стремлений автора, которые мы можем предполагать, его произведение вышло далеко за обозначенные им рамки²⁴. Оно представляет тем больший интерес, что является памятником переходной эпохи на стыке республики и принципата, ведь его автор жил при первых двух императорах, Августе и Тиберии. Впрочем, когда мы называем его человеком на грани эпох, есть повод усомниться в таком определении, ибо республики он не видел, родился и воспитывался уже в новых условиях. Но в том-то и своеобразие римской революции, приведшей к смене политического строя, что совершалась она под лозунгом возврата к прежним, республиканским порядкам (*res publica restituta*). И как бы ни противоречили принципы нового политического режима республиканским устоям, они воспринимались по меньшей мере как его база, пусть действительность все дальше отходила от них, в том числе в мировоззрении и системе ценностей. Но это никак не отменяло того, что все новшества, по убеждению римлян, опирались на республиканский фундамент, ибо именно тогда и тогдашними гражданами было создано нынешнее великое государство.

И у Валерия Максима мы не наблюдаем сколько-нибудь явного противопоставления республики и империи, что вполне отвечало официальной идеологии, провозглашавшей их идентичность и взаимную связь. Наш автор не был оппозиционером наподобие Лукана или Кремуция Корда и не высказывал сомнений в истинности пропагандируемых идей. Он был из тех, кто принимал данные условия существования и вполне комфортно в них себя чувствовал, подобно своему более успешному современнику сенатору Веллею Патеркулу, автору «Римской истории»²⁵. Во введении ко II книге, в которой преобладают общественно-политические сюжеты, Валерий Максим так формулирует свою цель: «Ведь необходимо познать, каковы же первоначала той счастливой жизни, которую мы ведем под властью наилучшего принцепса, чтобы обозрение их также принесло некоторую пользу нынешним нравам» (Val. Max. II pr.). «Наилучший принцепс» — несомненно, Тиберий, жизнь при котором Валерий называет «счастливой», повторяя эту мысль и в другом месте: «безмятежность нашего века, которая никогда нигде не пребывала в большем блаженстве» (VIII. 13 pr.). В этой же книге, восторгаясь доблестьями предков, наш автор завершает рассказ словами: «Отсюда происходили

²³ Подробный анализ морализирующих установок Валерия Максима см. Skidmore 1996, 53–82.

²⁴ Современные исследователи расширяют аудиторию Валерия Максима. См. краткий, но содержательный анализ имеющихся концепций: Wardle 1998b, 12–15. Подробное обоснование тезиса, что сочинение Валерия Максима отнюдь не сводится к пособию для риториков и декламаторов, см. Skidmore 1996, 53–112.

²⁵ Веллей Патеркул, сделавший карьеру при Августе и Тиберии, во многих местах рассыпает похвалы Тиберию, квинтэссенцией которых является 126-я глава II книги его сочинения. И заканчивает он свой труд молитвой за Тиберия, обращенной к Юпитеру Капитолийскому, Марсу Градиву, Весте и прочим римским богам (Vell. II. 131).

Камиллы, Сципионы, Фабриции, Марцеллы, Фабии... отсюда воссияли божественные Цезари — светлейшая часть неба» (II. 1. 10), — тем самым представляя императоров как развитие и воплощение древних добродетелей²⁶.

Таким образом, идеальные нравы предков в сочинении Валерия Максима через императоров оказываются связанными с настоящим. Он представляет это прошлое, далекое и близкое, и современность как некое единство, как непрерывную линию развития. Заявляя, что целью его труда является улучшение современных нравов, Валерий Максим опять же устанавливает связь между прошлым и настоящим, ибо улучшать можно то, что по сути едино и связано исторической преемственностью²⁷. Как заметил Й. Рюпке, преемственность между республикой и империей в сочинении Валерия Максима (и Веллея Патеркула) выражалась скорее за счет концентрации внимания на личностях и доблестях, а не на четких нормах и должностях²⁸. Так что во взглядах Валерия мы видим своеобразную республиканско-имперскую амальгаму, весьма интересный и любопытный объект для изучения.

Анализируя взгляды Валерия Максима, следует удержаться от двух крайностей. С одной стороны, весьма опасно обобщать взгляды всего лишь одного римлянина²⁹, к тому же с практически неизвестными обстоятельствами воспитания и образа жизни. Но точно так же неразумно рассматривать его и как нечто совершенно своеобразное. Несомненно, выявить в его произведении «типично римское» крайне сложно как в силу характера задачи (что есть типичное?!), так и в силу особенностей жанра. Ведь специфика такого рода сочинений обуславливала то, что автора интересовало в первую очередь все яркое, запоминающееся, впечатляющее. И здесь встает другая сложная задача: отделить уникальное от распространенного, пусть и воплощенного в необычном сюжете, т.е. выявить, что считалось нормой (пусть даже редко применявшейся), а что исключением. Особенно это касается моральных ценностей и моделей поведения.

При всех указанных оговорках уже сам авторский выбор представляет собой значительный интерес. Можно достаточно уверенно утверждать, что в сочинении Валерия Максима представлен багаж знаний и представлений, который являлся, так сказать, шаблонным и банальным. В пользу этого говорят даже допущенные им ошибки в именах, хронологии, обстоятельствах, за что он неоднократно подвергался критике в новейшей историографии. Но ведь Валерий Максим не историк. Конечно, между сборником примеров и историческим нарративом существуют серьезные связи, которые убедительно показал Й. Рюпке³⁰. Однако немецкий исследователь фактически уравнивает оба жанра, называя сборник примеров «одним из прагматических продуктов историописания в литературной форме»³¹, а сочинение Валерия «историческим трудом», пусть и особого рода³². Различия все же весьма существенны (см. прим. 17). Ведь нашего автора интересуют в первую очередь

²⁶ Maslakov 1984, 446–447.

²⁷ Bloomer 1992, 205; Gowing 2005, 53, 55.

²⁸ Rüpke 2016, 105; а также, что неудивительно, за счет преемственности религии (р. 106–107).

²⁹ См. von Albrecht 2004, 1177, прим. 3.

³⁰ Rüpke 2016, 93–97.

³¹ Rüpke 2016, 95.

³² Rüpke 2016, 95–96 (ср. 97, n. 54, 55).

содержание и эффект, а не точность в деталях и исторический контекст³³. Несомненно, полученное образование обеспечило Валерию Максиму определенный набор знаний по истории, однако они не были результатом его собственных исследований. И как раз такой, «пассивный» набор, собственно, и должен отражать мировоззрение обычного образованного римлянина³⁴.

По моим подсчетам, примерно 60% историй в сочинении Валерия Максима относится к догракханской эпохе, т.е. ко времени до событий, с которых начинается кризис республики. Понятно, что в 1-й главе I книги, говоря о строгом соблюдении религиозных требований, все 17 примеров Валерий Максим взял из ранней римской истории и ни одного из времени после Гракхов. Такое предпочтение древности вполне объяснимо: религиозный авторитет зиждется главным образом на традиционных ценностях. Даже из шести римских примеров пренебрежения религией лишь один (Val. Max. I. 1. 19) относится к последнему веку Республики, будучи связан с событиями после убийства Цезаря. Но гораздо показательнее II книга, посвященная политическим и общественным институтам. Можно было бы ожидать большего влияния современных и близких событий, однако картина оказалась прямо противоположной — лишь 20% поздних примеров. Так что и здесь Валерий Максим воздал должное старине, посвятив ей, в частности, всю первую главу («О древних порядках»), состоящую из десяти примеров. Причем несколько раз он не удержался от сравнений с современностью, понятно, не в пользу последней. А потому не удивляет, что в посвященной порокам девятой книге хронологически близкий материал составляет примерно $\frac{3}{4}$ всех рассказов. Немало примеров давала Валерию изобилующая событиями и поступками разного морального содержания эпоха гражданских войн³⁵. И совершенно незначительно число рассказов из современной ему действительности, охватывавшей последние 60 лет (после битвы при Акции), которая, казалось бы, предлагала весьма яркие и наглядные варианты³⁶.

Такое предпочтение отнюдь не является отражением некоего стремления уйти от тревог современности в седую древность. В какой-то степени оно обусловлено источниками Валерия, из которых он черпал свои рассказы, но само по себе не является чем-то необычным в римской литературе, особенно исторического характера. О том же пишет во введении к своему труду Тит Ливий: «Именно то особенно полезно и плодотворно в познании событий, что видишь всякого рода поучительные примеры...» (Liv. *Praef.* 10). Так что главная идея, проходящая красной нитью через все сочинение Валерия Максима, — превознесение традиционных, т.е. относящихся к эпохе Республики, римских ценностей в назидание современникам автора. Более того, Валерий хвалит прошлое даже там, где ожидалось бы порицание. Например, рассказывая о целомудрии женщин в старину, Валерий соглашается с их правом украшать себя, но обосновывает это скромностью тогдашних нравов: «Равным образом находилось под охраной взаимной стыдливости и посмотреть скромно, и себя

³³ Ср. слова Аттика у Цицерона, пусть даже сказанные со смехом: «Ведь ораторам извинительно присочинить в исторических рассказах, дабы можно было поведать что-нибудь повыразительнее» (Cic. *Brut.* 42).

³⁴ О возможной аудитории Валерия Максима см. Skidmore 1996, 104–112.

³⁵ Краткий анализ сюжетов из истории гражданских войн конца Республики см. Freyburger 1998, 111–117.

³⁶ Bloomer 1992, 204–205; Gowing 2005, 54–55.

показать» (Val. Max. II. 1. 5)³⁷. Как известно, образцовый римлянин Катон Старший еще в начале II в. до н.э. боролся с женскими слабостями такого рода, выступив во время своего консульства (195 г. до н.э.) за сохранение Оппиева закона, который ограничивал право римлянок на украшения. Однако наш автор, уступая современным веяниям, уже признает право женщин украшать себя, ссылаясь, как ни парадоксально, на древние нравы. А потому Валерий далеко не всегда комментирует и оценивает новшества, введенные в старину, видимо, оставляя их на суд читателя. Самый показательный пример — рассказ о нарастании пышности театральных представлений (II. 4. 6; ср. 5. 1; 2 и далее), где ожидалось бы моральное осуждение, но его нет.

Относительно редко Валерий прямо сравнивает прошлое с современностью, как в следующем риторическом пассаже: «Клянусь, кажется мне, сами буквы нашего века изумлены, когда вынуждены служить для описания такой строгости, и опасаются, как бы не подумали, что они повествуют о событиях не в нашем городе» (II. 9. 4). Он избегает этого даже там, где, казалось бы, такое сравнение напрашивается само собой. Несомненно, здесь сказалась его зависимость от своих источников, но могла иметь место и сознательная авторская позиция: не избегать собственных оценок, но и не злоупотреблять ими, сохраняя легкость и приятность чтения. Например, осуждая реформу Гая Мария, допустившего в армию добровольцев из неимущих, и превознося старинные порядки (II. 3. 1), Валерий Максим ни словом не обмолвился о системе набора в армию в его время, которая стала логическим завершением реформы Мария. Расхваливая римскую воинскую дисциплину как «главнейший... оплот римской державы... сохраняемый вплоть до настоящего времени в целостности и невредимости... под чьей защитой и охраной покоится безоблачное и безмятежное состояние благословенного мира» (II. 7 рг.), наш автор, несмотря на ясно высказанную связь с современностью, все примеры взял из глубокой древности (самый поздний, под номером 2, относится к 109 г. до н.э.). Особо показателен его рассказ о мерах цензоров 403–402 гг. до н.э. по принуждению граждан к вступлению в брак (Val. Max. II. 9. 1), который вызывает однозначные ассоциации с подобным законодательством Августа. Но у Валерия нет ни намека на эту важную сторону деятельности Августа, хотя такое сравнение весьма ожидаемо.

Так что у Валерия скорее можно отметить вневременное восхищение доблестью и осуждение порока, а противопоставление современности носит имплицитный характер: «Словно некоей матерью хорошего самочувствия у предков была умеренность, враждебная роскошным пирам, чуждая чрезмерному обилию вина и отвернувшаяся от невоздержанного употребления плотских утех» (Val. Max. II. 5. 6). И даже столь популярная в конце Республики теория упадка нравов, противопоставление славного прошлого и недостойного настоящего, представленная и в сочинении Валерия Максима³⁸, все же у него выражена весьма поверхностно и расплывчато, скорее как дань устоявшимся представлениям, а не искреннее убеждение самого автора. Ему прекрасно подошли бы слова другого его современника, поэта Овидия, сказанные, что

³⁷ Анализ этого рассказа см. также: Langlands 2006, 131.

³⁸ Он связывает начало упадка нравов с римскими победами во Второй Пунической и Второй Македонской войнах (Val. Max. IX. 1. 3; ср. VII. 2. 3).

неудивительно, в поэме «Наука любви»: «Пусть другим приятна старина, а я рад родиться именно сейчас, это время мне по нраву» (Ov. *Ars am.* III. 121–122).

Уклонение от прямой критики современности можно объяснить и политической лояльностью Валерия Максима, который превозносит и восхваляет существующую власть и, соответственно, ее заслуги в деле укрепления общественного порядка. Посвященных императорам мест в его сочинении немного, всего лишь около 50 (без учета чисто хронологических упоминаний), но, по справедливому замечанию Д. Уордла, прямые или косвенные панегирики в честь императорского дома появляются в ключевых местах произведения (в частности во введениях к книгам I, II, VI), что придает им особое значение³⁹. Чаще всех других членов императорского дома упоминается Цезарь⁴⁰, что объясняется и его ролью первопроходца в создании нового политического режима, и его бурной жизнью, и многочисленными талантами, и, соответственно всему вышесказанному, широким отражением в источниках Валерия Максима. Немногочисленность славословий в адрес императоров и их близких вполне объясняется целями труда (и особенностями архаического мировоззрения), которые обусловили преобладание взгляда в прошлое. Но, пусть и немногочисленные, эти сюжеты весьма показательны, а квинтэссенцией их является заключительная фраза из введения ко всему сочинению: «Ведь прочих богов мы получили, а Цезарей — дали»⁴¹.

Нельзя не заметить: когда Валерий Максим прибегает к славословиям в честь императоров и их близких, он буквально не знает удержу в них, словно восточный вельможа при царском дворе. Что касается Цезаря и Августа, то уже само их посмертное обожествление определяло соответствующий выбор слов и выражений⁴². Но, пожалуй, более показательны упоминания в том или ином контексте здравствующего императора Тиберия (14–37 гг.), хотя они и немногочисленны. Во введении, посвящая ему свой труд, Валерий называет его «надежнейшим оплотом отечества» (*certissima salus patriae*), видит в нем «небесное провидение» (*caelestis providentia*), и даже «божественность» (*tua divinitas*), что может свидетельствовать о восприятии императора как земного божества в тех кругах, откуда вышел Валерий⁴³. И это при том, что римские религиозные представления не допускали прижизненного обожествления, а сам Тиберий противился попыткам оказать ему культовое почитание⁴⁴, хотя оно все же имело место⁴⁵. Однако наш автор в том же введении фактически ставит императора на один уровень с богами, прибегнув к такому сравнению: «Если древние ораторы хорошо начинали с Юпитера Всеблагого Величайшего, если выдающиеся поэты выводили зачины от какого-нибудь божества, то моей скромной особе

³⁹ Wardle 2000, 479, 492.

⁴⁰ Ему посвящено то ли 38 эпизодов (Carney 1962, 289, n. 2), то ли 35 (Wardle 1997, 324). Для сравнения: Гай Марий упомянут 94 раза (Carney 1962, 289, n. 3).

⁴¹ Val. Max. I pr.: *reliquos enim deos acceperimus, Caesares dedimus*. Поддерживаемая рядом исследователей (Fowler 1988, 263–264) эмендация *videmus/vidimus*, «видим/видели» (вместо «дали») еще более подчеркивает далеко зашедшее почитание, ибо включает в число богов-императоров и здравствующего Тиберия. Против, в частности: Wardle 1998a, 73–74.

⁴² Цезарь: Bloomer 1992, 207–223; Wardle 1997, 323–345. Август: Bloomer 1992, 223–227; Wardle 2000, 483–489 (резюме: n. 34).

⁴³ Подробное обоснование этого мнения см. Mueller 2002a, 11–20; 179–181.

⁴⁴ Suet. *Tib.* 26. 1; Tac. *Ann.* II. 87; IV. 37–38; Dio Cass. LVII. 9. 1; LVIII. 8. 4.

⁴⁵ Wardle 1998a, 72 (с библиографией); Rüpke 2016, 107, n. 79.

прибегнуть к твоей благосклонности тем справедливее». Еще в одном месте он использует по отношению к Тиберию определение «божественный», пусть и косвенно, называя его и обожествленного Августа «двумя божественными (divinis) очами государства» (IV. 3. 3). Дважды (II. 9. 6a; VIII. 13 pr.) Валерий называет Тиберия благодетелем (salutaris princeps) и еще раз употребляет эпитет salutaris по отношению к деснице императора (IX. 11. ext. 4).

В последнем случае речь идет о самом известном рассказе, который с большой степенью уверенности можно отнести к Тиберию, хотя он там прямо не назван. Речь идет предположительно о заговоре командующего преторианской гвардией Сеяна, который опять же не назван по имени (IX. 11. ext. 4). Избранные Валерием фразы и выражения весьма двусмысленны и допускают двойное толкование по усмотрению читателя, но все же вполне и даже предпочтительнее могут быть отнесены к Тиберию. Валерий сравнивает безымянный заговор с отцеубийством, говорит о бдительных очах богов, об алтарях, священных ложах, храмах, огражденных присутствующей божественной силой. Чьей силой? Богов или императора? Здесь можно трактовать по-разному⁴⁶, но явно к здравствующему императору относятся следующие слова по поводу раскрытия заговора: «Творец и защита нашей безопасности с божественной проницательностью предусмотрел, чтобы его выдающиеся заслуги не рухнули вместе с крахом всего мира. Поэтому продолжается мирная жизнь, действуют законы, сохраняется естественный ход частной и общественной деятельности». Здесь Валерий Максим называет Тиберия «наш родитель» (parens noster), а его проницательность — божественной (divinum consilium). И самое главное: Валерий подчеркивает благодетельность императорской власти, говоря о Тиберии «творец и защита нашей безопасности» (auctor ac tutela nostrae incolumitatis), а заботу о его жизни ставя наравне с заботой о родине (caput augustum ac patria).

При всей бросающейся в глаза лести сама мысль о поддержании стабильности вполне разумна и логична для обычного гражданина, ибо любой переворот несет угрозу его собственному благополучию без каких-либо возможных выгод. Эта мысль выражена в слове salus и производном от него salutaris, которые Валерий, как отмечено выше, прилагает к Тиберию. Указанные слова заключают в себе идею спасения, благополучия, безопасности. Собственно, стабильность и внутренний мир — именно те блага, которые являлись несомненной заслугой нового режима, как бы к нему ни относиться в целом. Так что не стоит ни удивляться, ни осуждать одобрение со стороны простого человека, не имевшего доступа к власти и ее привилегиям, а потому, весьма вероятно, искреннего в своих восторгах по отношению к императору⁴⁷.

К чести Валерия Максима следует отметить, что он все же не увлекается восхвалениями императоров, а столь любезный ему Тиберий вообще ни разу не назван прямо по имени. Императоры не упоминаются даже там, где льстец не преминул бы их отметить, — в главах, посвященных добродетелям и доблестям. Лишь один раз Валерий обратился к Тиберию при изложении добродетелей, похвалив в подробном рассказе его любовь к брату и его поведение в последние дни жизни Друза. Валерий говорит о почтительности (pietas), одной из самых уважаемых в Риме добродетелей, и собственно о добродетелях (virtutes). У Тиберия было много достоинств, но Валерий выбрал только один эпизод, когда тот бросился из Северной Италии в Германию к постели умирающего брата, проехав

⁴⁶ Wardle 2000, 491.

⁴⁷ См. также: Maslakov 1984, 450—451.

двести миль по дикой местности⁴⁸. Причем этот эпизод относится ко времени, когда Тиберий не рассматривался даже как возможный преемник власти Августа, что несколько снижает пафос раболепия, несомненно, имеющийся в рассказе: «Я, право, не знаю никакого другого подходящего образца родственной любви, который можно к ним добавить, кроме Кастора и Поллука» (Val. Max. V. 5. 3).

Поэтому можно задаться вопросом, являются ли немногочисленные обращения к императору данью необходимости (как в советское время цитаты классиков марксизма-ленинизма) или все же они выражают основы его мировоззрения? Обращает на себя внимание, что во введении ко всему сборнику наш автор выделяет среди задач императора как раз те, которым посвящено его сочинение («что небесное провидение всемиростиво оказывает поддержку добродетелям, о коих я буду рассказывать, а пороки самым суровым образом карает»). И с этой точки зрения славословия Валерия оказываются не только грубой лестью подданного, но и одобрением сторонника, соучаствующего в общем деле под мудрым руководством. Понятно, что степень искренности слов Валерия в точности установить невозможно, но то, что в них она присутствует, мне кажется несомненным.

Таким образом, называя Валерия Максима римлянином на грани эпох, мы не погрешаем против истины. Не только в силу традиции, но и по своему мировоззрению он связан с обеими эпохами, являя порой противоречивое, но очевидное единство взглядов и ценностей республики и зарождающейся монархии. Это особенно заметно в сравнении с авторами иного социального круга и с авторами более поздними, которые стали носителями совершенно новых взглядов (например, Сенека Младший или Лукан), что было блестяще проанализировано в монографии М. Б. Роллера, посвященной формированию новой морали в эпоху правления Юлиев—Клавдиев⁴⁹. Но и в мировоззрении Валерия Максима, переходном по своему содержанию, все-таки центр тяжести явно перенесен уже на ценности новой эпохи в отличие от его старшего современника Ливия, чье сочинение явилось одним из важнейших источников нашего автора. Валерий Максим из тех, кто во все времена составляет большинство населения, из людей с традиционным мышлением и консервативным поведением. И это делает его сочинение особо значимым для познания климата эпохи, который определяют прежде всего именно такие люди, тем более что их голос и взгляд, как правило, представлен в источниках гораздо слабее, чем людей известных и знаменитых.

Литература / References

- Albrecht, M. von 2004: *Istoriya rimskoy literatury* [A History of Roman Literature]. Vol. II. Moscow.
Альбрехт, М. фон. *История римской литературы*. Т. II. М.
Bellemore, J. 1989: When did Valerius Maximus write the *Dicta et facta memorabilia*? *Antichthon* 23, 67—80.
Bloomer, W.M. 1992: *Valerius Maximus and the Rhetoric of the New Nobility*. Chapel Hill.
Bücher, F. 2006: *Verargumentierte Geschichte. Exempla Romana im politischen Diskurs der späten römischen Republik*. (Hermes Einzelschriften, 96). Stuttgart.
Carney, T.F. 1962: The picture of Marius in Valerius Maximus. *Rheinisches Museum* 105, 289—337.

⁴⁸ Об отражении Валерием в этом эпизоде идей, созвучных желаниям Тиберия, см. Wardle 2000, 489—490.

⁴⁹ Roller 2001, 64—126. См. также в более широких хронологических рамках (вплоть до Траяна): Gowing, 2005.

- David, J.-M. (ed.) 1998a: *Valeurs et mémoire à Rome: Valère Maxime, ou la vertu recomposée*. Paris.
- David, J.-M. 1998b: Les enjeux de l'exemplarité à la fin de la République et au début du principat. In: J.-M. David (éd.), *Valeurs et mémoire à Rome. Valère Maxime ou la vertu recomposée*. Paris, 9–17.
- Fleck, M. 1974: *Untersuchungen zu den Exempla des Valerius Maximus*. Inaugural-Dissertation. Marburg.
- Fowler, D.P. 1988: Notes on Pighius and Valerius Maximus. *Classical Quarterly* 38/1, 262–264.
- Freyburger, M.-L. 1998: Valère Maxime et les guerres civiles. In: J.-M. David (éd.), *Valeurs et mémoire à Rome. Valère Maxime ou la vertu recomposée*. Paris, 111–117.
- Gowing, A.M. 2005: *Empire and Memory. The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture*. Cambridge–New York.
- Helm, R. 1955: Valerius Maximus (239). In: *RE*. II. Reihe. Hlbd 15. Stuttgart, 90–116.
- Hodgson, Jr. 1989: Valerius Maximus and the social world of the New Testament. *Catholic Biblical Quarterly* 51/4, 683–693.
- Kempf, C. 1854: [Praefatio]. In: C. Kempf (ed.), *Valeri Maximi factorum et dictorum memorabilium libri novem*. Berolini, 1–99.
- Langlands, R. 2000: *Gender and Exemplarity in Valerius Maximus*. PhD diss. University of Cambridge, <https://doi.org/10.17863/CAM.16540>.
- Langlands, R. 2006: *Sexual Morality in Ancient Rome*. Cambridge.
- Lucarelli, U. 2007: *Exemplarische Vergangenheit: Valerius Maximus und die Konstruktion des sozialen Raumes in der frühen Kaiserzeit*. (Hypomnemata. Untersuchungen zur Antike und zu ihrem Nachleben, 172). Göttingen.
- Maslakov, G. 1984: Valerius Maximus and Roman historiography: a study of the *exempla* tradition. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Teil II. Bd 32, 1. Berlin–New York, 437–496.
- Millar, F. 1993: Ovid and the Domus Augusta: Rome seen from Tomoi. *Journal of Roman Studies* 83, 1–17.
- Mueller, H.-Fr. 2002a: *Roman Religion in Valerius Maximus*. London–New York.
- Mueller, H.-F. 2002b: Rev.: D.R. Shackleton Bailey, Valerius Maximus: Memorable Doings and Sayings. Two volumes. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. *Bryn Mawr Classical Review* 2002.06.35, <http://bmcr.brynmawr.edu/2002/2002-06-35.html>
- Nguyen, V.H.T. 2008: *Christian Identity in Corinth. A Comparative Study of 2 Corinthians, Epictetus and Valerius Maximus*. (Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament, 2/243). Tübingen.
- Roller, M.B. 2001: *Constructing Autocracy. Aristocrats and Emperors in Julio–Claudian Rome*. Princeton.
- Rüpke, J. 2016: Knowledge of religion in Valerius Maximus' *Exempla*: Roman historiography and Tiberian memory culture. In: K. Galinsky (ed.), *Memory in Ancient Rome and Early Christianity*. Oxford, 89–114.
- Santini, C. 1987: Echi di politica religiosa tiberiana in Valerio Massimo. *Giornale italiano di filologia* 39, 183–195.
- Skidmore, C. 1996: *Practical Ethics for Roman Gentlemen: the Work of Valerius Maximus*. Exeter.
- Themann-Steinke, A. 2008: *Valerius Maximus. Ein Kommentar zum Zweiten Buch der Facta et Dicta memorabilia*. (Bochumer altertumswissenschaftliches Colloquium, 77). Trier.
- Wardle, D. 1997: "The Sainted Julius": Valerius Maximus and the dictator. *Classical Philology* 92/4, 323–345.
- Wardle, D. (ed.) 1998a: *Valerius Maximus. Memorable Deeds and Sayings. Book I: A Commentary*. Oxford.
- Wardle, D. 1998b: Introduction. In: D. Wardle (ed.), *Valerius Maximus. Memorable Deeds and Sayings: Book I*. Oxford, 1–26.
- Wardle, D. 2000: Valerius Maximus on the Domus Augusta, Augustus, and Tiberius. *Classical Quarterly* 50/2, 479–493.
- Weileder, A. 1998: *Valerius Maximus. Spiegel kaiserlicher Selbstdarstellung* (Münchener Arbeiten zur alten Geschichte, 12). München.